Правнук Иосифа, внук Якова: «Я кого-то повторяю»

...Прошу знакомую мультяшницу: «Дай портрет Виссариона...». Вот что у нее получается:

Виссарион во фраке на берегу пруда. На голове глубокая детская панама. Смотрит расширившимися, ушедшими в себя зрачками. В руке мнется ромашка.

Пытаюсь считывать:

фрак — это элегантность и романтичность. (Рубашки в основном белые и пышные. Осанка вводила в заблуждение, что из бывших военных. Маленькие ботиночки, шейные платки);

на берегу пруда — рефлексия;

ромашка — сентиментальность.

Но что такое панама?

В самом ли нем, в подаче ли его себя, но есть что-то от XIX века.

Справка. ***Родился в 1965 году в Тбилиси. Правнук Сталина, внук Якова Джугашвили. Закончил Тбилисскую сельскохозяйственную академию, инженер. Сейчас — слушатель Высших режиссерских курсов (мастерская В. Мотыля). Женат, сын родился в 1995 году. Первая работа на кинопленке отмечена призом на фестивале студенческих фильмов Святой Анны.***

— Ты чувствуешь, что ты — Сталин?

— Я ношу фамилию, и в моих жилах течет часть его крови. В каждой семье есть фотографии предков, которые висят на стенах. Я рос в семье военного, историка. И у нас с самого раннего детства было очень нормальное отношение к дедушке. И прадедушке. И прапрадедушке. И вообще к тому роду, который я представляю. Меня отец учил одному: «Всегда легко предать. Сейчас говорят много плохого. А ты попробуй, не говори плохого, ты попробуй, неси... неси — и не предай». То, что я не выступаю против, — это не значит, что я такой... Ну, как сказать? Примитив. Нет. Те ценности, в которых ты воспитан, ты попробуй донести до конца. Не измени своему другу. Попробуй быть с ним до конца. С его ошибками, с его... со всем его. С его потрохами. Я вырос на том, что нужно нести.

— Ты чувствуешь, что не можешь позволить себе суетного поступка?

— Имя заставляет быть постоянно собранным, постоянно в форме, постоянно мобильным. Это хорошо. Меня это ничем не обременяет, наоборот, если бы большинство людей помнило про своих предков... Я лучше, когда я помню. Я чище. И если в семье воспитывают, что ты должен помнить, то это здорово, и пускай так будет, пускай мы будем помнить, от кого мы идем. Мы не случайны, и наше поведение не случайно! Я абсолютно убежден, что все, что я делаю, то что я проживаю и как я говорю, и как я веду себя, — все это повторяется. Я кого-то повторяю. Во мне есть черты того-то, того-то, того-то. Во мне есть духовные порывы многих поколений, которые уже были. Я несу определенный ген. Для себя я вижу в этом свет. Я богат этим. Пускай там было плохо. Пускай, кому-то что-то не нравится. Ну и что... Я хочу рассказать маленькую историю про Гио Леонидзе, грузинского поэта. Приехали в Кахетию французы. Было большое застолье. Гио говорил тосты. Он говорил: «Как я люблю Гиви. Ай, будь здоров, Гиви! Какой ты мужественный, какой ты хороший!». Потом он сказал тосты про Дато, про Давида, и тоже все хорошие. Французы: «Но почему же он говорит постоянно только хорошее?». И тогда Гио сказал: «Объясни этим... иноверцам. Объясни, что я понимаю, что Гиви не совсем хороший и Давид тоже. Но я хочу, чтобы они были хорошими. Поэтому я им говорю, что ты — хороший. Я хочу, чтобы эти люди были хорошими». Вот так сказал Гио Леонидзе, великий грузинский поэт.

— Помнишь, ты рассказывал, как ты бабушку носил?

— Когда-то мы с бабушкой жили вдвоем... Бабушек без порицаний и нравоучений не бывает, по-моему. А когда она начинала ворчать, то у меня был один-единственный аргумент, которым я мог это ворчание прекратить: я просто брал ее на руки и начинал быстро бегать по квартире, она кричала, отпихивалась. Я говорил: «Все, бабушка. Ты меня любишь?». Она кричала: «Отстань! Отстань от меня!». «Если ты меня не поцелуешь, я тебя не отпущу». Я брал ее лицо, прижимал к себе и после этого отпускал ее.

Кстати, удивительная вещь: бабушка и мой сын, когда он был грудным, они пахли одинаково... А о сыне вот что я хочу рассказать. Однажды он был сыт, подтерт и от него ничего больше и не нужно было... Я уже сидел измученный, читал газету, а он в вольере ходил туда-сюда и орал. Я думаю: «Все, ты кормлен и вытерт, и сухой». Он орет. Орет-орет-орет, а я читаю газету: ты кормлен, у тебя все нормально. Смотрю на часы: у тебя еще, значит, два часа, и я смогу быть свободен абсолютно. А он орет-орет-орет... потом что-то затих. Прошла какая-то быстрая пауза, и вдруг он говорит: «Па-па» (изумленно). Он мне это сказал, первое слово, понимаешь! Он думал: как же вызвать мое внимание? Понимаешь, я обомлел. Такой младенец! (*Радостно смеется.*) Маленький такой! И вдруг это сказал. Я бросил газету, обнял и прижал его: растет!

— Я-то знаю, но ты скажи: как назвал сына?

— Иосиф.

Юрий СОЛОДОВ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

'47 Век. Москва. — 1997. — 22 июня — с. 5